

УДК 94(47).084:343.81

Соловецкий узник Петр Калнышевский: к историографии вопроса

НАДЕЖДА АЛЕКСЕЕВНА БЕЛОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, nade-belova@yandex.ru

А н н о т а ц и я . В статье предпринята попытка историографического обзора научной литературы, посвященной пребыванию в качестве заключенного в Соловецком монастыре с 1776 по 1801 г. последнего кошевого атамана Запорожской Сечи П. И. Калнышевского. Автором проанализированы наиболее заметные труды российских и украинских исследователей второй половины XIX – начала XXI вв., посвященные этому легендарному узнику. Показано, что почти полуторазековое изучение пребывания Петра Калнышевского на Соловках принесло много открытий и породило разные точки зрения по поводу отдельных аспектов данной темы. Но часть вопросов остается еще до конца не выясненной и ждет своих исследователей.

К л ю ч е в ы е с л о в а : историография пенитенциарной системы России; монастырская пенитенциарная практика; Соловецкий монастырь; узники монастырских тюрем; Петр Калнышевский.

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Белова Н. А. Соловецкий узник Петр Калнышевский: к историографии вопроса // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2022. № 1 (4). С. 31–43.

Solovetsky Prisoner Petr Kalnyshevskii: to the Historiography of the Issue

NADEZHDA A. BELOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, nade-belova@yandex.ru

A b s t r a c t . The article tries to provide a historiographical review of the scientific literature devoted to the stay of the last koshevoi ataman of the Zaporozhye Sich Petr I. Kalnyshevskii as a prisoner in the Solovetsky Monastery from 1776 to 1801. The author analyzes the most notable works of Russian and Ukrainian researchers of the second half of the 19th–beginning of the 21st century, dedicated to this legendary prisoner. It is shown that almost a century and a half of studying the stay of Petr Kalnyshevskii in the Solovetsky Monastery brought many discoveries and gave rise to different points of view about certain aspects of this topic. However, many questions still remain unclear.

Key words: historiography of the Russian penitentiary system; monastic penitentiary practice; Solovetsky Monastery; prisoners of monastic prisons; Petr Kalnyshevskii.

5.6.5. Historiography, source studies, methods of historical research.

For citation: Belova N.A. Solovetsky Prisoner Petr Kalnyshesvkii: to the historiography of the issue. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2022, no. 1 (4), pp. 31–43.

Соловецкая обитель с ее островным положением и суровым климатом несколько веков служила местом изоляции лиц, признанных опасными государственными, религиозными и уголовными преступниками. Как писал М. А. Колчин, «ссылались туда бунтовщик, государственный преступник и пьяный монах, религиозный сектант и разгулявшийся не в меру отеческий сынок, знатный вельможа и не помнящий родства бродяга» [9, с. 1]. В период с XVI по XIX в. в Соловецком монастыре в качестве ссыльных и заключенных побывали несколько сотен человек. В числе узников монастырской тюрьмы с 1776 по 1801 г. значился и последний кошевой атаман Запорожской Сечи П. И. Калнышевский (поскольку в написании фамилии существуют разночтения, мы станем придерживаться принятого в современных публикациях написания через «ы», но в цитатах и названиях цитируемых источников будем сохранять изначальную (дореволюционную) орфографию через «и»; также в литературе встречаются и такие варианты написания этой фамилии, как Колнишевский, Кальнишевский и Кальнышеский), информация о пребывании которого на Соловках долгое время не предавалась огласке.

Историк Новой Сечи А. А. Скальковский в 1846 г. констатировал, что после ее падения в 1775 г. кошевой атаман Петр Калнышевский вместе с писарем Иваном Глобой и войсковым судьей Павлом Головатым были отправлены в Москву и «дальнейшая участь их до сих пор неизвестна». При этом, ссылаясь на намек, содержащийся в одной из украинских народных песен, он высказал предположение, что «Калнишевский был отправлен на жительство, где-то на берега Дона» [13, с. 2011]. Согласно преданию, пересказанному Н. А. Гатцуком, он «после уничтожения коша, удалился в Турцию, вместе с прочими казаками» [7, с. 412].

Отыскать след П. И. Калнышевского на Соловках удалось российско-украинскому историку и этнографу, участнику народнического движения, П. С. Ефименко, который, отбывая ссылку в Архангельской губернии, начал собирать местный фольклор. Летом 1862 г. он жил в с. Ворзогоры, которое находилось от Соловецкого монастыря «на расстоянии только 180-ти верст», и расспрашивал об обители местных жителей. От 80-летнего крестьянина Лукина услышал, что там был заключен «какой-то атаман казаков», который «сидит близко 40 годов в совершенном заточении» и «выпускали его только три раза в год: на Пасху, Рождество и Преображение на трапезу – монастырского хлеба кушать» [7, с. 412]. В 1863 г. в архиве Архангельского губернского правления Ефименко обнаружил Дело по сообщению государственной военной коллегии-конторы об отсылке для содержания в Соловецкий монастырь кошевого Петра Калнишевского, июля 11 дня 1776 г. [7, с. 414].

Собрав «некоторые сведения, еще никому не известные» о жизни «самого замечательного лица в истории Сечи» [7, с. 406], П. С. Ефименко опубликовал

в 1875 г. статью (к столетию со времени падения «славной Сечи Запорожской») в журнале «Русская старина», возвратив тем самым из небытия последнего кошевого атамана запорожцев.

При изложении биографических данных П. И. Калнышевского «во время существования Запорожья» исследователь отмечал, что тот был записан в куренных списках под простонародным именем Петра Калныжа и отличался особой религиозностью [7, с. 408]. Автор достаточно подробно описал отправку последнего кошевого атамана «на вечное содержание» в Соловецкий монастырь. По его данным, «некоторый арестант» был вывезен из Москвы в Архангельск 25 июня 1776 г. в сопровождении офицера, унтер-офицера и пяти рядовых на девяти подводках. По предположению Ефименко, шесть из них были заняты имуществом Калнышевского [7, с. 415]. 11 июля 1776 г. узника доставили в Архангельск, а оттуда на нанятом у местного купца судне переездили на Соловки. 28 июля он «был сдан архимандриту Досифею и предан заточению», поскольку «Святейший синод предписал удалять Калнышевского от всякого с посторонними людьми сообщения и содержать и за неослабным караулом обретающихся в оном монастыре солдат» [7, с. 415].

Точного места содержания бывшего кошевого атамана П. С. Ефименко не назвал, лишь сообщил, что в документе 1758 г. говорится о том, что для колодников в 1742 г. по указу Синода были заложены две тюрьмы: «первая – Корожня, в бойнице, другая, Головленкова, у Архангельских ворот, в стене» [7, с. 412]. На основании сведений, собранных по его просьбе знакомыми, побывавшими на Соловках, он предположил, что Калнышевского «держали сначала в течение многих лет в помещении, ничем не отличающемся от чулана, маленьком, сыром, холодном и полутемном», и этот чулан «находился в одной из башен монастыря», а в последние перед освобождением годы узнику отвели «несколько лучшее помещение, рядом с жилым покоем» [7, с. 419–420].

Исследователь также опубликовал документы, собранные по его просьбе вышеупомянутыми лицами: письмо новороссийского генерал-губернатора Г. А. Потемкина (это письмо было повторно напечатано в 1887 г. в журнале «Киевская старина» под названием «Ходатайство Потемкина о замене запорожской старшине смертной казни заточением в монастырь»). Публикаторы сообщали, что это «ходатайственное» письмо было ими обнаружено в копии конца XIX в., в сборнике всякого рода документов, начатом в 1730-е гг., который принадлежал священнику с. Троицкого Екатеринославской губернии отцу Павлу Чеховичу и передан редакции С. Г. Ярославским) и указ Екатерины II о ссылке Калнышевского, надписи с пожертвованного им обители в 1801 г. Евангелия и надгробия, сооруженного в 1856 г. архимандритом Александром [7, с. 417]. Благодаря этим находкам Ефименко удалось установить, что кошевой умер 23 октября 1803 г., в возрасте 102 лет, проведя на Соловках последние 27 лет, из которых 25 – в заключении и два года – на свободе. В итоге автор пришел к выводу, что многолетнее заточение Калнышевский перенес «без явного поражения нравственных сил», хотя его заключение было «действительно крайне строгое»: место содержания узника не было известно даже родственникам [7, с. 419–420].

Спустя год в том же журнале И. П. Шульгиным был напечатан извлеченный из дела № 11 Тайной экспедиции за 1787 г. фрагмент обнаруженной им ведомости о содержащихся в Соловецком монастыре 13 преступниках, где приводились сведения о колодниках: основание для помещения в монастырь, вина (у некоторых из них), время поступления и условия содержания. Бывший кошевой атаман значился в ней под номером 7.

Документ был приложен к прошению олонецкого и архангельского генерал-губернатора Т. И. Тутолмина от 25 октября 1787 г., адресованному генерал-прокурору А. А. Вяземскому с целью выяснения возможности распространения на соловецких узников «милостивого» манифеста от 27 июня того же года. В ведомости было указано основание для отправки Калнышевского на Соловки: указ Синода во исполнение указа Екатерины II на доклад Потемкина. Также ею подтверждались сведения, изложенные ранее П. С. Ефименко, о времени доставления узника в монастырь и конкретизировались условия его содержания «безвыпускно» из монастыря, удаления «не только от переписок, но и от всякого с посторонними людьми обращения, за неослабным караулом... солдат» [1, с. 217]. Эту информацию дополняло сообщение Г. К. Репинского о том, что основанием для освобождения узника стал указ Александра I от 15 марта 1801 г. «О прощении людей, содержащихся по делам, производившимся Тайной экспедицией» [1, с. 217].

Архимандрит Соловецкого монастыря Мелетий, составивший его историческое описание, изданное в 1881 г., сообщал, что в соборном Спасо-Преображенском храме «на горнем месте» хранился «запрестольный сребропозлащенный» крест, который «сделан вкладом Петром Ивановичем Кошевым, 1794 года, весу 13 фунтов и 48 золотников» [10, с. 39]. В числе «достопамятных предметов» монастырской ризницы Мелетий упомянул Евангелие, «устроенное» в обитель «радением и коштом бывшего запорожской сечи кошевого Петра Ивановича Кольнишевского», надпись на котором ранее опубликовал П. С. Ефименко. Помимо уже известных данных о Евангелии (весе 34 фунта и 25 золотников, «всей сумме» 2345 руб.), автор сообщил, что оно было «обложено серебром золоченным; на верхней доске девять образов финифтянных, украшенных стразами» [10, с. 127].

Д. И. Яворницкий (в дореволюционный период писалось как Эварницкий), еще один исследователь истории запорожского казачества, крайне заинтересованный судьбой последнего кошевого атамана, для сбора о нем сведений весной 1887 г. предпринял поездку в Соловецкий монастырь. В том же году сначала в журнале «Дон», затем отдельной брошюрой была напечатана его статья, написанная на основе документов, обнаруженных в архиве обители, которая уточняла и дополняла сведения П. С. Ефименко. Историк, помимо копии указа Екатерины II о ссылке Калнышевского, уже опубликованного Ефименко, удалось найти «несколько бумаг, проливающих свет на самое положение кошевого в ссылке» [17, с. 6]. Рассмотренные им документы позволили сделать вывод о том, что «хотя положение Калнышевского было и не легко, но с тем вместе и не так ужасно» [17, с. 6].

Яворницкий по сохранившимся монастырским описям установил, что узник с ноября 1788 г. содержался не в остроге и не в яме Корожной башни, где помещались самые тяжкие преступники, а в келье дома, где жили монахи (занимал сначала келью № 15, а потом № 14) [17, с. 7]. Поскольку описи с 1776 до 1788 г. историку найти не удалось, то и выявить места содержания Калнышевского за этот период не получилось. Основываясь на косвенных данных, исследователь предположил, что это были камеры Архангельской и Прядильной башен.

Опираясь на документы монастырского архива, Д. И. Яворницкий установил, что кошевой содержался «много иначе, чем другие арестанты»: на его «вечное содержание» выделялись из казны деньги (с 1776 до 1781 г. по рублю на день) [17, с. 10]. Караульные при Калнышевском все были великороссы; из тюрьмы его выводили «на время великого, а иногда и успенского поста, чтобы говеть», каждый раз во время говенья он исповедовался и причащался. Подтверждающие это документы были обнаружены Яворницким за период с 1777 по 1792 г. [17, с. 11].

По поводу освобождения Петра Калнышевского из заточения в 1801 г. историк не только указал основание, ранее сообщенное Г. К. Репинским, но воспроизвел слухи, циркулировавшие среди монахов обители по этому поводу. Согласно первому из них Александр I при посещении монастыря, увидев яму, в которой содержался Калнышевский, «пришел от нее в ужас» и, «желая облагодетельствовать чем-нибудь невинного страдальца», спросил узника, «какой ему надо награды за все понесенные им бедствия». Тот ответил, что ему ничего не надо, кроме одного: «вели построить острог для таких же страдальцев, как и я, чтобы они не томились в земляных ямах» [17, с. 13]. И государь приказал построить острог. Для опровержения этого слуха Яворницкий привел факт, что острог на Соловках был построен в 1798 г. (то есть за три года до восшествия Александра I на престол). Второй слух связан с тем, что на момент освобождения Калнышевский уже лишился зрения. Этот факт исследователь не опроверг, но выдвинул несколько версий причины его слепоты: темнота помещений, возраст либо то и другое вместе. В итоге историк констатировал, что бывший узник, обретя свободу, пожелал остаться в монастыре, «сделался послушником и, прожив два года на свободе, скончался» [17, с. 13]. Автор более подробно, по сравнению с вышеупомянутыми П. С. Ефименко и архимандритом Мелетием, описал вещественные памятники, сохранившиеся после Калнышевского в Соловецком монастыре (запрестольный крест, Евангелие и надгробную плиту). В завершении статьи Д. И. Яворницкий выразил сомнение в 112-летнем возрасте Калнышевского на момент смерти. При этом автор привел ряд весьма убедительных аргументов. Во-первых, в исповедных росписях число его лет нигде не было прописано, в отличие от прочих арестантов, и высказывалось предположение, что тот и сам не знал своего возраста, поскольку монахи, которые вели росписи, обязывались выставлять лета преступников. Во-вторых, эпитафия на могильной плите сочинена спустя 53 года после смерти кошевого, а дата на ней показана, вероятно, «по преданию».

В-третьих, трудно допустить, что во время существования Сечи 85-летний старец управлял казаками [17, с. 15].

Уделил внимание П. И. Калнышевскому и М. А. Колчин, политический ссыльный, служивший фельдшером на Соловках и изучавший монастырскую пенитенциарную историю. В своем очерке «Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX веках», который впервые был напечатан «Русской старине» за 1887–1888 гг. (отдельной книгой вышел уже после смерти автора в 1908 г.), он попытался описать заключение последнего кошевого Запорожской Сечи в «соловецких казематах». Ввиду ограниченности документальных данных (в архиве монастыря М. А. Колчин обращался к тем же материалам, что и его предшественники, изучавшие судьбу именитого колодника, и многие из этих документов были ими уже опубликованы, о чем, по всей вероятности, историк-любитель не догадывался) исследователь на основе личных впечатлений от осмотра сохранившихся до 1870-х гг. мест заключения арестантов и слухов сообщал, что «в рассматриваемом нами каземате... Кольнишевский, просидел 16 лет, будучи более ста лет от роду» [9, с. 9–10]. По мнению Колчина, этот каземат находился в башне «у Архангельских ворот, на восточной стороне крепости», а башня эта «в древнее время носила название Головленковой» [9, с. 11]. Вероятно, на выдвижение автором такой версии о месторасположении тюрьмы оказали влияние предположения, высказанные ранее П. С. Ефименко по поводу возможных мест содержания Калнышевского на территории обители. Исследователю был известен его труд о последнем кошевом Запорожской Сечи, авторство которого Михаил Андреевич ошибочно приписал супруге Петра Саввича, Александре Яковлевне, тоже историку и этнографу [9, с. 92].

По поводу «помилования» Калнышевского М. А. Колчин привел ту же легенду, что и Д. И. Яворницкий, но в несколько иной интерпретации: поскольку кошевой «оказался невинным», царь, «освободив его, захотел чем-либо вознаградить за перенесенные страдания и приказал спросить Кольнишевского, чего он хочет себе в награду» [9, с. 10]. Тот в силу преклонного возраста отказался от мирских почестей и богатства со словами: «одна у меня забота: приготовить себя к будущей жизни, а нигде я этого не сделаю так хорошо, как в сей святой обители». Потому бывший узник обратился с двумя просьбами к царю: «дозволить мне дожить свой век в Соловках» и «пусть он прикажет выстроить для преступников настоящую тюрьму, чтобы они не маялись, как я, в душных казематах крепости» [9, с. 11].

Вслед за Яворницким Колчин воспроизвел информацию о выдаче «секретному колоднику» Калнышевскому денежного пособия по рублю в день для покупки караульными ему пищи [9, с. 30].

Заслугой Колчина можно считать публикацию в тексте очерка ведомости о 16 колодниках, содержащихся в монастырской тюрьме в период с июня по октябрь 1786 г., в которой Калнышевский записан под номером 8 [9, с. 92]. Правда, информация эта идентична сведениям из фрагмента ведомости 1787 г., ранее опубликованного И. П. Шульгиным.

О судьбе соловецкого узника Петра Калнышевского упомянул в своей книге «Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством» (1905) российский революционер-народник, публицист и историк А. С. Пругавин. Со ссылкой на М. Н. Колчина автор привел легенду о его «помиловании» [12, с. 87].

В советский период, когда историческое знание в целом несло на себе печать марксистско-ленинской идеологии, одним из первых об этом известном узнике вспомнил исследователь соловецкой тюрьмы А. П. Иванов. Однако он не выявил ничего нового, а лишь в сокращении повторил информацию о Калнышевском из неоднократно упомянутой статьи П. С. Ефименко и констатировал, что «в Головленковой тюрьме узник провел 16 лет» [8, с. 39]. При этом исследователь допустил две неточности: ошибочно указал в качестве автора работы М. А. Колчина и заявил, что она была напечатана в № 2 «Русской старины» за 1866 г. Ссылаясь на данную публикацию, А. П. Иванов резюмировал, что «Кальнишевский сидел в самом мрачном каземате монастырской крепостной тюрьмы и умер 112 л. в 1803 году. Он оставил Соловкам на память о себе евангелие в богатой оправе» [8, с. 39].

Отдельный сюжет легендарному узнику Соловков посвятил и известный советский правовед, автор обобщающего труда по истории царской тюрьмы М. Н. Гернет. Он считал, что последний кошевой Сечи стал «жертвой национальной политики Екатерины... заточенный по предложению Потемкина», и отмечал, что «на Кальнишевском очень ярко сказалось все вероломство екатерининских политиков» [5, с. 274]. Новые данные о Калнышевском у автора отсутствовали, а в приведенной о нем информации были воспроизведены материалы из ранее упоминавшейся работы М. Н. Колчина. Доверяя, по всей вероятности, изложенным этим автором фактам и предположениям, М. Н. Гернет в традициях своей эпохи констатировал, что «прямые сведения о том, что кошевой Кальнишевский содержался в Головленковской башне, показывают стремление правительства упрятывать подальше наиболее опасных своих врагов и держать это в глубокой тайне» [5, с. 276].

Детальный анализ обстоятельств ссылки Калнышевского на Соловки, условий его содержания в монастыре и причин его освобождения проведен в трудах архангельского историка Г. Г. Фруменкова [14; 15]. Привлечение к исследованию новых документов из архивов Москвы, Ленинграда и Архангельска позволило, по выражению самого автора, «восполнить пробелы статьи П. С. Ефименко» [15]. Г. Г. Фруменков уточнил обстоятельства отправки «бывшего атамана низового запорожского войска» из Москвы до Архангельска и Соловков. Опираясь на документы, он доказал, что Калнышевский прибыл в Архангельск без вещей (войсковые ценности и все личное имущество кошевого были конфискованы), тем самым опроверг мнение Ефименко о том, что бывший кошевой «привез с собой шесть возов добра» [15]. Исследователь установил, что келья, в которой содержался узник, была отремонтирована в 1779 г. по его многократным прошениям за собственные средства [15]. В качестве доказательства «исключительной строгости» тюремного режима Фруменков привел следующее документальное подтверждение: «В летнее время четыре человека посменно охраняли Кальнишевского... при всех прочих аре-

стантах... находилось поочередно по двое солдат... Зимой каземат охраняли трое солдат... на всех других арестантов приходилось по одному караульному» [15].

Автор также выдвинул версию причины освобождения Калнышевского из заключения именно в 1801 г. По мнению Г. Г. Фруменкова, это было обусловлено упразднением по указу от 2 апреля того же года Тайной экспедиции и освобождением многих узников, содержащихся по ее ведомству в разных местах заключения, и должно было «засвидетельствовать либеральный курс правительства Александра I» [15]. Предварительно из губерний были запрошены списки колодников, подлежащих освобождению. В документе, представленном архангельским губернатором, были указаны только двое заключенных – А. Еленский и П. Калнышевский. Правительство сочло возможным выпустить обоих. Последний у них, как полагал исследователь, «не внушал более никаких опасений, и царь не хотел “упустить случая” продемонстрировать свое “человеколюбие”» [15].

Вместе с тем Г. Г. Фруменков ввиду «несомненного и выдающегося интереса» полностью привел текст письма Г. А. Потемкина о ссылке Калнышевского, неоднократно публиковавшегося в дореволюционный период. Также автор воспроизвел информацию Колчина и дополнил ее без подкрепления документами о местах и сроках содержания узника в обители: «В каменном мешке Головленковой тюрьмы... Кальнишевский провел 16 лет, после чего ему ответили более “комфортабельную” одиночную камеру рядом с поварней, где он просидел взаперти еще 9 лет» [15]. Перефразировав слова М. Н. Гернета об этом узнике, исследователь отметил, что он «явился жертвой национально-колониальной политики царизма... оказался без вины виноватым» [15].

Следует отметить, что Г. Г. Фруменков как советский ученый не мог описать историю пребывания Калнышевского на Соловках без критики личностей и действий представителей светской и духовной власти, монастырской пенитенциарной практики и использования соответствующей лексики («лавры тюремщика Кальнишевского», «мрачные казематы», «заточение было ужасным» и др.).

В целом же исследование Г. Г. Фруменкова о пребывании легендарного узника на Соловках до настоящего времени не утратило своей актуальности благодаря введению в научный оборот целого ряда архивных материалов и их анализу.

В постсоветский период внимание к личности П. И. Калнышевского значительно возросло и приобрело политическую окраску в связи с началом становления украинской государственности. Трагизм судьбы последнего кошевого Запорожской Сечи, ставшего «олицетворением свободолюбивого духа украинского народа» и одновременно «образцом православного воинства», сыграл важную роль в его канонизации. Поместным собором Украинской православной церкви (далее – УПЦ) Киевского патриарха он был канонизирован в 2008 г. как Петр Многострадальный и причислен к лику святых для общего почитания. Решение о канонизации П. И. Калнышевского (прославлении и почитании его в пределах Запорожской епархии как преподобного Пе-

тра Калнышевского) было принято УПЦ Московского патриархата в декабре 2014 г., а сам чин канонизации прошел в ноябре 2015 г.

Период соловецкого заключения Петра Калнышевского получил отражение как в работах украинских и российских исследователей, так и в многочисленных материалах (в основном популяризационного характера, а также связанных с канонизацией), размещенных в свободном доступе на различных ресурсах Интернета.

Правда, большинство этих работ новизной содержания не отличались, поскольку их авторы в разных вариациях воспроизводили информацию из трудов своих предшественников, разрабатывавших данную проблематику. И только публикации отдельных исследователей представляют ценность в научном отношении, поскольку для них характерно вовлечение в научный оборот новых источников. К числу таковых следует отнести работы В. В. Грибовского, В. А. Булова, А. А. Оксенюка и В. В. Хутарева-Гарнишевского.

Так, историку В. В. Грибовскому, современному украинскому биографу Калнышевского, работавшему в российских и украинских архивах, благодаря исследованию документов Государственного архива Архангельской области удалось дополнить сведения П. С. Ефименко и Г. Г. Фруменкова о доставке Калнышевского на Соловки. В частности, им уточнены населенные пункты (и даты проезда через них) по пути следования подвод с арестантом и конвоирами от Москвы до Архангельска, установлены персоналии сержанта и солдат, откомандированных из Архангелогородской губернской роты для охраны узника в монастыре, и др. Автор вслед за Д. И. Яворницким выразил сомнение в 110-летнем возрасте Калнышевского на момент освобождения и в качестве аргумента в пользу его условности сослался на впечатления графа П. А. Румянцева от встречи в марте 1765 г. с кошевым атаманом, который не показался тому ветхим старцем. Также автор констатировал, что в перипетиях XX в. были утрачены подарки, сделанные монастырю Калнышевским, а плита с его могилы была сдвинута и неоднократно перемещалась по территории Соловецкого кремля. Примерным ориентиром для установления места погребения Петра Калнышевского, по мнению Грибовского, может служить лишь надгробие Авраамия Палицына, лежащее на своем первоначальном месте [6].

Российский историк и археолог В. А. Булов в статье об одном из соловецких узников на основе архивных документов и материалов археологических раскопок установил, что «особо тяжкая» Головленкова тюрьма Соловецкого монастыря была упразднена в 1743 г. [4, с. 16], и тем самым опроверг представления целого ряда историков, полагавших, что там содержался Калнышевский.

В публикации, посвященной биографии последнего атамана Запорожской Сечи, автор уделил внимание современному местонахождению «одной из заметных достопримечательностей Соловков» – надгробной плиты с могилы Калнышевского. Как сообщил историк, эта плита, перемещенная в советский период вместе с другими надгробиями к западной паперти Спасо-Преображенского собора, в 2002 г. была перенесена под его северную паперть

на музейную выставку «Соловецкий некрополь», а летом 2004 г. рядом с ней был установлен привезенный из Запорожья бюст Петра Калнышевского [3, с. 80–81]. Кроме того, основываясь на материалах прессы, исследователь подробно осветил мероприятия, проведенные с начала 1990-х гг. на территории Украины, по увековечиванию памяти атамана, в том числе и канонизацию.

Наибольший интерес представляет статья этого же автора, в которой он с учетом новых исторических данных подвел итог углубленного анализа и осмысления археологического материала, зафиксированного в ходе раскопок в 2015 г. на месте могилы Калнышевского. Раскопки производились по инициативе Запорожской епархии и были связаны с канонизацией и решением вопроса об обретении мощей «святого казака» [2, с. 95–96]. Наличие кирпичного надгробия, по мнению В. А. Булова, «является свидетельством особого статуса усопшего, особого отношения к нему в Соловецком монастыре» [2, с. 99]. Далее исследователь отмечает, что изучение фамилии Калнышевского показало, что она «прямо указывает на прибалтийские корни ее носителя» [2, с. 103]. Данный вывод получил «неожиданное» подтверждение в заключении известного судмедэксперта, который, исследовав останки, обнаруженные в могиле, установил, что они относятся по телосложению к балтийскому типу [2, с. 103]. Завершая статью, автор резюмирует, что «данные истории, археологии и антропологии дают... основание считать, что раскопанное погребение... принадлежит последнему кошевому атаману Запорожской Сечи Петру Ивановичу Калнышевскому» [2, с. 104].

Российские историки А. А. Оксенюк и В. В. Хутарев-Гарнишевский на основе изучения хозяйственной документации Соловецкого архива из собрания Российского государственного архива древних актов выяснили, что Калнышевский лично, а не через караульных получал в монастыре выдаваемые ему на содержание деньги и при этом вместо подписи прикладывал личную гербовую печать. Данные подробности, как полагают исследователи, свидетельствуют о том, что он находился в монастыре на особом положении и имел больше свободы, чем другие заключенные. Наличие у Калнышевского личной печати, по мысли историков, «позволяет отнести его к определенному дворянскому роду и полностью изменяет стратегию изучения его биографии, открывает возможность исследования его жизни и родословной с новых, более уверенных позиций» [11, с. 106–107].

Благодаря этой находке, как констатируют А. А. Оксенюк и В. В. Хутарев-Гарнишевский, удалось установить, что обнаруженный герб Калнышевского полностью идентичен фамильному гербу польских дворян Калусовских. Данное обстоятельство, а также регион их проживания и созвучность фамилии, по мысли историков, «с высокой долей вероятности позволяют утверждать, что последний атаман Запорожской Сечи происходил из старинного шляхетского дворянского рода Калусовских» [11, с. 107]. Это заключение, как считают исследователи, «открывает дорогу» для создания его «исторически достоверной биографии» [11, с. 107].

Подытоживая вышеизложенное, можно констатировать, что почти полутора вековое изучение пребывания Петра Калнышевского на Соловках при-

несло много открытий и породило разные точки зрения на отдельные аспекты данной темы. Тем не менее ввиду скудности источниковой базы многие вопросы остаются еще до конца не выясненными, наиболее важные из них связаны с установлением мест содержания узника на территории монастыря, его возраста, а также окончательным подтверждением подлинности останков последнего кошевого атамана Запорожской Сечи. Для того, чтобы заполнить эти пробелы, историкам предстоит продолжить научные изыскания, в том числе и междисциплинарного характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атаман Калнишевский. 1787–1801 гг. Из дела Тайной экспедиции 1787 г., дело № 11, извлечено И. П. Шульгиным ; сообщил Г. К. Репинский // Русская старина. – 1876. – Том XV, выпуск 1. – С. 217–218.
2. Буров, В. А. Атрибуция погребения под надгробием 1856 г. П. И. Калнышевскому († 1803) на территории Соловецкого монастыря / В. А. Буров // Соловецкое море. – 2021. – № 20. – С. 95–104.
3. Буров, В. А. Две жизни последнего атамана Запорожской Сечи Петра Калнышевского – прошлая и настоящая / В. А. Буров // Соловецкое море. – 2015. – № 15. – С. 80–86.
4. Буров, В. А. Первый узник «первотяжкой» тюрьмы Соловецкой крепости / В. А. Буров // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – № 56. – С. 12–22.
5. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы. В 5 томах. Том 1. 1762–1825 / М. Н. Гернет. – Москва : Госюриздат, 1960. – 384 с.
6. Грибовский, В. В. Соловецкое заключение Петра Калнышевского в микроисторической прорисовке / В. В. Грибовский // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. 6. Посвящается 170-летию со дня рождения Василя Мовы (Лиманского) / составители А. М. Авраменко, В. К. Чумаченко. – Краснодар ; Киев : ЭДВИ, 2012. – С. 216–230. – URL: <http://www.slavakubani.ru/kkv/land-management/law/enforcement-of-sanctions/solovetskoe-zaklyuchenie-petra-kalnyshevskogo-v-mikroistoricheskoy-prorisovke/> (дата обращения: 15.02.2022).
7. Ефименко, П. С. Калнишевский, последний кошевой Запорожской сечи (1691–1803) / П. С. Ефименко // Русская старина. – 1875. – Том XIV, выпуск 11. – С. 405–420.
8. Иванов, А. П. Соловецкая монастырская тюрьма: краткий историко-революционный очерк / А. П. Иванов. – Соловки : Бюро печати УСЛОН, 1927. – 47 с.
9. Колчин, М. А. Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв.: исторический очерк / М. А. Колчин. – Москва : Посредник, 1908. – 176 с.
10. Мелетий (Шергин М. А.) Историческое описание первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря / М. А. Шергин. – Москва : Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1881. – 312 с.
11. Оксенюк, А. А. Новые сведения о биографии П. И. Калнышевского по материалам архива Соловецкого монастыря / А. А. Оксенюк, В. В. Хутарев-Гарнишевский // Соловецкое море. – 2021. – № 20. – С. 105–107.
12. Пругавин, А. С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектанством / А. С. Пругавин. – Москва : Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1905. – 132 с.
13. Скальковский, А. А. История Новой Сечи, или последнего Коша Запорожского. В 3 частях. Часть 3 / составлена из подлинных документов Запорожского сечевого архива А. Скальковским. – 2-е изд., испр. и значит. умноженное. – Одесса : Гор. тип., 1846. – 296 с.
14. Фруменков, Г. Г. Соловецкий монастырь в XVI–XIX веках как секретная государственная тюрьма и пограничная военная крепость Русского государства : авторе-

ферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Фруменков Георгий Георгиевич. – Архангельск, 1966. – 32 с.

15. Фруменков, Г. Г. Узники Соловецкого монастыря. (Политическая ссылка в Соловецкий монастырь в XVIII–XIX веках) / Г. Г. Фруменков. – Архангельск : Сев.-зап. книж. изд-во, 1965. – 118 с. – URL: http://lib.ru/HISTORY/FRUMENKOW/uzniki_monastyrya.txt (дата обращения: 15.02.2022).

16. Ходатайство Потемкина о замене запорожской старшине смертной казни заточением в монастырь // Киевская старина. – 1887. – Том XIX. Сентябрь. – С. 192–193.

17. Эварницкий, Д. И. Последний кошевой атаман Петр Иванович Калнишевский / Д. И. Эварницкий. – Новочеркасск : Тип. А. А. Карасева, 1887. – 15 с.

REFERENCES

1. Ataman Kalnishevskii. 1787–1801. From the case of the Secret Expedition of 1787, case No. 11, extracted by I.P. Shulgin; reported by G.K. Repinskii. *Russkaya starina = Russian Antiquity*, 1876, vol. 15, no. 1, pp. 217–218. (In Russ.).
2. Burov V.A. Attribution of burial under the tombstone of 1856 to P. I. Kalnyshevsky (+1803) on the territory of the Solovetsky Monastery. *Solovetskoe more = Solovetsky Sea*, 2021, no. 20, pp. 95–104. (In Russ.).
3. Burov V.A. Two lives of the last ataman of the Zaporozhye Sich Petr Kalnishevskii – past and present. *Solovetskoe more = Solovetsky Sea*, 2015, no. 15, pp. 80–86. (In Russ.).
4. Burov V.A. The first prisoner of the “first degree murder” prison of the Solovetsky Fortress. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Bulletin of the Tomsk State University. History*, 2018, no. 56, pp. 12–22. (In Russ.).
5. Gernet M.N. *Istoriya tsarskoi tyur'my: V 5 tomakh. Tom 1. 1762–1825* [History of the Tsar’s prison: In 5 volumes. Volume 1. 1762–1825]. Moscow: Gosyurizdat, 1960. 384 p.
6. Gribovskii V.V. Solovetsky confinement of Petr Kalnyshevskii in microhistoric drawing. In: *Kuban’ – Ukraina: voprosy istoriko-kul’turnogo vzaimodeistviya. Vyp 6. Posvyashchaetsya 170-letiyu so dnya rozhdeniya Vasilya Movy (Limanskogo)* [Kuban – Ukraine: issues of historical and cultural interaction. Issue 6. Dedicated to the 170th anniversary of the birth of Vasil Mova (Limanskii)]. Krasnodar, Kiev: EDVI, 2012. Pp. 216–230. Available at: <http://www.slavakubani.ru/kkv/land-management/law/enforcement-of-sanctions/solovetskoe-zaklyuchenie-petra-kalnyshevskogo-v-mikroistoricheskoy-prorisovke/> (In Russ.). (Accessed February 15, 2022).
7. Efimenko P.S. Kalnishevskii, the last Koshevoi of the Zaporozhian Sich (1691–1803). *Russkaya starina = Russian Antiquity*, 1875, vol. 14, no. 11, pp. 405–420. (In Russ.).
8. Ivanov A.P. *Solovetskaya monastyrskaya tyur'ma: kratkii istoriko-revolutsionnyi ocherk* [Solovetsky Monastery Prison: brief historical and revolutionary essay]. Solovki: Byuro pechati USLON, 1927. 47 p.
9. Kolchin M.A. *Ssyl'nye i zatochennyye v ostrog Solovetskogo monastyrya v XVI–XIX vv.: istoricheskii ocherk* [The exiled and imprisoned in the Solovetsky Monastery Prison in the 16–19 centuries: historical essay]. Moscow: Posrednik, 1908. 176 p.
10. Meletii (Shergin M.A.) *Istoricheskoe opisanie pervoklassnogo stavropigial'nogo Solovetskogo monastyrya* [Historical description of the first-class stauropegic Solovetsky monastery]. Moscow: Tip. M.N. Lavrova i K, 1881. 312 p.
11. Oksenyuk A.A., Khutarev-Garnishevskii V.V. New information about the biography of P. I. Kalnyshevsky based on the materials of the archive of the Solovetsky Monastery. *Solovetskoe more = Solovetsky Sea*, 2021, no. 20, pp. 105–107. (In Russ.).
12. Prugavin A.S. *Monastyrskie tyur'my v bor'be s sektantstvom* [Monastic prisons in the fight against sectarianism]. Moscow: Tipo-lit. t-va I. N. Kushnerev i K, 1905. 132 p.

13. Skal'kovskii A.A. *Istoriya Novoi Sechi, ili poslednego Kosha Zaporozhskogo. V 3 chastyakh. Chast' 3* [History of the New Sich, or the last Kosh of Zaporozhye. In 3 parts. Part 3]. Odessa: Gor. tip., 1846. 296 p.
14. Frumenkov G.G. *Solovetskii monastyr' v 16–19 vekakh kak sekretnaya gosudarstvennaya tyur'ma i pogranichnaya voennaya krepost' Russkogo gosudarstva: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk* [Solovetsky Monastery in the 16th–19th centuries as a secret state prison and a border military fortress of the Russian state: Doctor of Sciences (History) dissertation abstract]. Arkhangelsk, 1966. 32 p.
15. Frumenkov G.G. *Uzniki Solovetskogo monastyrya. (Politicheskaya ssylka v Solovetskii monastyr' v 18–19 vekakh)* [Prisoners of the Solovetsky Monastery. (Political exile to the Solovetsky Monastery in the 18–19 centuries)]. Arkhangelsk: Severo-zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. 118 p. Available at: http://lib.ru/HISTORY/FRUMENKOW/uzniki_monastyrya.txt (accessed February 15, 2022).
16. Potemkin's petition to replace the Zaporozhye foreman with the death penalty by imprisonment in a monastery. *Kievskaya starina = Kiev Antiquity*, 1887, vol. 19, pp. 192–193. (In Russ.).
17. Evarnitskii D.I. *Poslednii koshevoi ataman Petr Ivanovich Kalnishevskii* [The last Koshevoi ataman Petr I. Kalnishevsky]. Novocherkassk: Tip. A. A. Karaseva, 1887. 15 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БЕЛОВА НАДЕЖДА АЛЕКСЕЕВНА – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и истории психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nade-belova@yandex.ru

NADEZHDA A. BELOVA – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, associate professor of the Department of Philosophy and History of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, e-mail: nade-belova@yandex.ru

Статья поступила 15.02.2022